

Территориальный спор двух дунайских государств и советско-германское противостояние в регионе. К истории раздела Трансильвании в августе 1940 г.

А. С. Стыкалин*

Статья освещает проблему Трансильвании в контексте европейской политики 1920-1941 гг. Автор демонстрирует, как Венгрия пыталась использовать советско-румынский территориальный спор о принадлежности Бессарабии и улучшение своих отношений с Советским Союзом, чтобы вернуть Трансильванию, переданную Румынии по Трианонскому договору, и как в дальнейшем нацистская Германия использовала острый венгеро-румынский антагонизм, чтобы удержать Венгрию и Румынию в своей сфере влияния как союзников против СССР.

Ключевые слова: Трансильвания, Бессарабия, Венгрия, Советский Союз, Румыния, Германия, второй Венский арбитраж.

Keywords: Transylvania, Bessarabia, Hungary, the Soviet Union, Romania, Germany, the Second Vienna Award.

Обширная историческая область в юго-западных предгорьях Карпат, Трансильвания со времен средневековья развивалась как многонациональное и поликонфессиональное по составу образование. Усилиями в первую очередь немецких переселенцев (саксов) в ее наиболее значительных ремесленно-торговых поселениях, особенно юго-восточных — Херманнштадте и Кронштадте (ныне Сибиу и Брашов, Румыния), начиная с XIII в. формируется бюргерский урбанистический уклад, характерный для старинных средневропейских городов, чей внешний облик по сей день легко просматривается в застройке исторических центров Клузы, Брашова, Сибиу, отчасти и десятка других трансильванских городов.

В государственно-политическом отношении в Трансильвании на протяжении многих веков едва

ли не безраздельно господствовала венгерская аристократия. Более того, после сокрушительного поражения венгров от турок в 1526 г. и последовавшего за этим распада целостного королевства «св. Стефана» (Иштвана) мадьярская знать, почти непрерывно управлявшая Трансильванским княжеством, пыталась превратить его в своего рода оплот венгерской государственности. Вплоть до начала XVIII в. (не без поддержки османов) это княжество успешно вело войны против Габсбургов. Позже оно интегрируется в Австрийскую империю, хотя и сохраняет некоторую автономию, со временем все более ограниченную. Лишь с преобразованием Габсбургской монархии в дуалистическую Австро-Венгрию в 1867 г. рудименты автономного управления окончательно исчезают. Вследствие соглашения Венгрии с домом Габсбургов Трансильвания на полвека становится неотъемлемой

* Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, ответственный секретарь журнала «Славяноведение».

частью венгерского государства, чья политическая элита (за редкими исключениями) и слышать не хотела о какой-либо автономизации этого края. Между тем, такое требование не утрачивало своей актуальности, причиной чему были как длительная историческая традиция автономного существования Трансильвании, так и пестрота ее этнического состава. В самом деле, наряду с немцами (саксами-протестантами в собственно Трансильвании и швабами-католиками в прилегающей к ней с юго-запада, органически связанной с ней исторической области Банат), мадьярами и секлерами¹ в этом крае проживали румыны, составлявшие большинство населения и в XVIII–XIX вв. все более активно заявлявшие свое право на полноценное национальное развитие.

В Трансильвании необычайно рано по общеевропейским меркам был принят первый закон о веротерпимости — еще в 1568 г., за несколько лет до Варфоломеевской ночи во Франции. Правда, он совсем не распространялся на православных румын. Их этническая и религиозная дискриминация сохранялась и после йозефинистских реформ габсбургского «просвещенного абсолютизма» (1780-е гг.), что не могло не броситься в глаза одному из русских офицеров, побывавших в этом крае во время антивенгерской военной кампании 1849 г.: «Дако-румун, запертый в самые вершины ущелий, в отдаленные предместья города, смотрит с порога своей бедной греческой церкви на великолепные храмы и огромные дома немцев, венгерцев и секлеров и обдумывает планы своего запоздалого мщения. Тут вся история Трансильвании. В Кронштадте осязаешь ее»². Впрочем, российскому очевидцу показали далекие от идиллических и отношения между привилегированными этносами: «Четыре описанные племени, столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому»³.

Страной поразительных контрастов описывает Трансильванию венгерский философ XX в. Б. Хамваш: различия между кастами здесь «столь же велики, как между византийским императором и его подданными... Утонченный, многослойный мир, процветающий во дворцах и замках, среди мебели, изготовленной из дорогой благородной древесины, среди ковров, шелков, драгоценностей, парчи, обильной еды и питья, эта изысканная жизнь резко, без всякого перехода отделена от жизни бедняка-крестьянина, угнетенного и огрубевшего, жителя лесов и гор, у которого на столе — не запеченный целиком... баран, а постная мамалыга, на теле — не бархат, а сермяга». «С изощренным вкусом украшенный великолепный замок — и курная хижина под его стенами. Трансильвания — [это] противостояние высокой цивилизации

и дикости. Есть в этом какой-то тяжелый и мрачный пафос, словно вельможа, наряженный в бархат, — тоже внутри дикарь, который для внешнего мира играет роль утонченного аристократа. И все это — жесткое и неподвижное, словно деревянный истукан». Даже природа в этом горно-лесистом крае под стать разительным социальным и национальным контрастам, «состоит из таких крайностей, которые никогда не сойдутся друг с другом. В нескольких километрах от ухоженных, плодородных участков вы увидите дикую, неосвоенную местность. Аккуратные, теплые сады вдруг сменяются лесом и скалистыми кручами»⁴.

Прекращению межэтнических раздоров в Трансильвании явно не способствовала и Первая мировая война. Румыния, заняв сторону Антанты, рассчитывала на получение Трансильвании и дождалась своего несмотря на все свои внешнеполитические колебания в течение войны. Осенью 1918 г., в условиях революции в Австро-Венгрии и последующего распада дуалистической монархии, румынская армия приступает к оккупации Трансильвании. А 1 декабря 1918 г. Народное собрание в г. Альба-Юлия провозгласило воссоединение этого края с Валахией и Молдовой.

В ходе Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Венгрия пыталась отстоять Трансильванию, ссылаясь на «историческое право» и на хозяйственную целостность этого края. Румыния также всегда охотно прибегала к историческим аргументам, напоминая о континуитете проживания на территории современной Трансильвании латинского населения со времен Римской империи. Но главным аргументом для нее было численное преобладание румын в крае.

Державы-победительницы поддержали точку зрения Румынии. «Даже и тысячелетнее положение вещей не должно продолжаться, коль скоро оно признано противным справедливости», — писал в своем обращении к венгерской делегации председатель Парижской мирной конференции А. Мильеран⁵. Впрочем, дело заключалось не столько в поисках справедливости, сколько в том, что слишком сильная Венгрия (потенциальный союзник Германии) не отвечала представлениям французской элиты о равновесии сил в Дунайском бассейне.

Хотя группа международных экспертов внимательно изучала особенности расселения разных этносов в регионе, в Трансильвании в силу смешанности состава населения было трудно, а то и совсем невозможно провести этнические границы. Установленные в Средней Европе границы вообще оказались не идеальными, поскольку в ряде стран сохранились обширные районы, где компактно проживали большие национальные меньшинства. В частности, за пределами нового венгерского государства оказалось около 3 млн венгров, приблизительно каждый четвертый представитель этого этноса⁶.

Наибольшие территориальные приобретения вследствие Трианонского мирного договора 1920 г. с Венгрией получила Румыния. Перешедшие к ней

Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум и Марамуреш занимали территории более 100 тыс. км², что превосходило по площади трианонскую Венгрию (93 тыс. км²). Сколь ни весомы были основания для принятого в предместьях Парижа решения, оно заложило мину замедленного действия под всю конструкцию мирного урегулирования в Дунайском бассейне. Отчасти потому, что прежняя дискриминация румын сменяется новой — объектом притеснений со стороны бюрократии королевской Румынии становится двухмиллионное мадьярское меньшинство. Меры по созданию культурной автономии оставались на бумаге, около 250 тыс. венгров, относившихся к коренному населению Трансильвании, вообще не получили румынского гражданства, многие покинули страну (к концу 1930-х гг., когда официальный Бухарест перестал придерживаться последовательно профранцузской ориентации, даже покровительствовавшие Румынии представители Франции признают с трибуны Лиги Наций имеющие место факты притеснения венгров).

Венгерское национальное сознание крайне болезненно восприняло утрату Трансильвании, края, связанного с Венгрией давними историческими узами. И это касалось отнюдь не только отпрысков аристократических фамилий, лишившихся своих наследственных земельных владений (трансильванцы граф Бетлен и граф Телеки были наиболее значительными премьер-министрами хортистской Венгрии). Общественное мнение, как правило, поддерживало внешнюю политику хортистского режима, направленную прежде всего на пересмотр границ — политику, которая в конечном итоге привела Венгрию к союзу с Германией, также ущемленной Версальской системой. Лозунг ревизии Трианона лучше всего способен был консолидировать социально и политически разнородное венгерское общество, тем более что на Трианон было удобнее всего списывать все пороки системы.

Регент Венгрии адмирал М. Хорти и его окружение, утвердившиеся у власти вследствие падения Венгерской советской республики 1919 г., с крайней непримиримостью относились к коммунистической идеологии и всегда опасались экспансии Советов на Запад. Но все это отступало на задний план, когда дело касалось объективного совпадения интересов СССР и хортистской Венгрии. Поскольку ни в Москве, ни в Будапеште решительно не принимали Версальской системы, существовала основа для сближения двух стран, тем более что каждая из них имела свои территориальные претензии к Румынии (в СССР никогда не признавали законной оккупацию Бессарабии в 1918 г.). Этот фактор сыграл решающую роль при установлении советско-венгерских отношений в 1934 г.

Аншлюс Австрии в 1938 г. и последовавшее за ним расчленение Чехословакии положили начало пересмотру границ в Дунайском бассейне. С раз-

вязыванием Второй мировой войны становится реальной перспектива дальнейшей перекройки карты Средней Европы. Венгерская политическая элита в этих условиях все больше осознавала общность интересов Будапешта и Москвы. Полпред СССР в Венгрии Н. И. Шаронов в начале 1940 г. доносил в Москву: в венгерских политических кругах питают надежды на то, что СССР, находящийся во вполне «корректных», если не сказать больше, отношениях с Германией, начнет продвижение на балканском направлении, и первой страной на его пути окажется Румыния⁷. «Никаких разногласий с Советами не имеем», — говорил министр иностранных дел Венгрии граф Чаки своему итальянскому коллеге зятю Муссолини Чиано⁸. Впрочем, он немного лукавил. Сближение двух режимов имело свои пределы, и не только в силу идеологической непримиримости. Правительство П. Телеки не хотело сжигать мосты в отношениях с ведущими демократическими странами Запада. Встречаясь с дипломатами Великобритании и Франции, тот же Чаки заверял их в неизменности антисоветского курса Венгрии. Поводом для развязывания в стране антисоветской кампании стала советско-финская война, когда венгры выступили с позиции угоро-финской солидарности. Осознавалась в Будапеште и временность советско-германского союза, возникшего вследствие определенного соотношения сил на международной арене. Полпред Шаронов, следовавший официальной линии Наркоминдела, должен был подчас убеждать своих венгерских собеседников в том, что две великие европейские державы, якобы не имевшие между собой неразрешимых противоречий, всегда способны договориться. В свою очередь румынская сторона после краха Чехословакии, Польши и начала большой войны за передел европейских границ вполне ожидала эскалации территориальных притязаний Будапешта. Это вынуждало ее все активнее искать покровителей в Берлине, а с другой стороны, заставляло ее укреплять свои западные границы. Принятию румынскими властями надлежащих мер безопасности способствовали чересчур вызывающие заявления некоторых официальных лиц в Будапеште о том, что Венгрия «не потерпит отсрочки разрешения трансильванского вопроса до греческих календ».

Заботы хортистских властей о поддержке своих ревизионистских требований Советским Союзом, как одной из крупных европейских держав, были делом тем более насущным, что позиция Будапешта находила мало понимания не только в Лондоне и Париже (столицах стран-строителей Версальской системы), но также в Берлине и Риме. Правительство графа П. Телеки осознавало, что ирредентистские планы Венгрии не могут быть реализованы без согласия держав так называемой «Оси» и в первую очередь Германии, после аншлюса Австрии и краха Чехословакии все более явно доминировавшей в Средней Европе. Между тем, накануне войны Берлин поддер-

живал планы Венгрии в той мере, в какой они были направлены против непримиримо враждебной Третьему рейху Чехословакии. С решением общей задачи (распадом чехословацкого государства) Гитлер и его окружение уже все менее сочувствовали венгерскому ревизионизму, поскольку резонно полагали, что чрезмерное усиление Венгрии будет способствовать проведению ее правительством слишком независимо внешнеполитического курса⁹. Сказывалась также заинтересованность Третьего рейха в некоторых из стран, на которые распространялись венгерские территориальные амбиции — в частности, в Румынии и в «независимой» Словакии.

Открытая поддержка венгерских ревизионистских требований затруднила бы для Германии возможность вовлечения Румынии в сферу своего влияния, а между тем, в случае военных действий против СССР и на Балканах Румыния (не только в силу стратегического положения, но и как поставщик нефти) явилась бы для Берлина не менее, а даже более важным партнером, чем Венгрия. К явному негодованию хортистов, Третий рейх после уничтожения Чехословакии санкционировал образование на венгерских коронных землях «Святого Стефана» «самостоятельного» словацкого государства, фактически германского протектората (нужного для давления на Польшу, а затем и на Венгрию).

Недовольство было взаимным. Даже наиболее лояльная Германии часть хортистской элиты отличалась далеко не «аншлюсными» настроениями, совсем не собираясь жертвовать в угоду фюреру интересами восстановления Великой Венгрии. Попытки подчинить венгерский ревизионизм дипломатическим играм нацистской Германии оказывались не слишком удачными, поскольку о совпадении интересов речи быть не могло. Гитлеровской стратегии раздробления региона и создания ряда вассальных государств противостояли гегемонистские планы хортистов в Дунайском бассейне.

Сдержанное отношение к венгерскому ирредентизму демонстрировал и официальный Рим, советовавший Будапешту отложить выполнение своих требований до окончания войны на западном фронте и вообще считавший венгерские планы ревизии Трианона слишком радикальными. Причем позиция Германии и Италии была согласованной: в ходе одной из встреч на высоком уровне стороны договорились не потакать «чрезмерным» венгерским амбициям. Проблематичны были для Венгрии поиски союзников и среди менее значимых участников «европейского концерта». «С венграми... трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию... Ревизионизм и мегаломания оставляют их без всяких союзников», — говорил в феврале 1940 г. советскому полпреду Н. Шаронову югославский посланник в Будапеште Рашич¹⁰. Но в Будапеште не отказывались от максималистских планов. 13 февраля

Чаки говорил Шаронову: хотя мирный путь решения вопроса для нас предпочтителен, «мы от своего не откажемся никогда и если победят в войне союзники и мы останемся в теперешних границах, мы зажжем пожар во всей Европе»¹¹.

К началу лета ужесточавшаяся антирумынская риторика официальной Москвы свидетельствовала о том, что в самое ближайшее время СССР поставит вопрос о возвращении Бессарабии. Такая перспектива казалась весьма заманчивой верхушке хортистской армии: один из генералов на приеме в полпредстве 19 июня прямо заявил советскому дипломату, что венгры только ждут занятия Красной армией Бессарабии, чтобы самим войти в Трансильванию¹². Слова не расходились с делом: численность армии 10-миллионной страны к середине лета была доведена до 1,2 млн человек. Военные приготовления проходили по обе стороны границ, двусторонние отношения Венгрии и Румынии обострились до предела.

Курс официального Будапешта на сближение с Москвой становился в сложившейся обстановке демонстративным. Граф Чаки зачастил на приемы и кинопросмотры в советское полпредство. Среди иностранных дипломатов в городе ходили даже слухи о том, что СССР и Венгрия согласовали между собой вопрос о взаимной акции в отношении Румынии.

Нота с требованием «в интересах восстановления справедливости» приступить «к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу» была направлена румынскому правительству 26 июня, через 4 дня после капитуляции Франции, на протяжении долгих лет выступавшей главным гарантом Версальской системы, одним из важных установлений которой являлась целостность Румынии в ее границах 1920 г. Берлин и Рим посоветовали Бухаресту уступить, дав понять, что речь идет об «уступках временного порядка».

28 июня Красная армия перешла Днестр. Советская акция по присоединению Бессарабии (а также Северной Буковины) вызвала нескрываемое воодушевление в венгерских политических кругах. «Население города взволновано. Отношение к нам хорошее», — записал в своем рабочем дневнике полпред Шаронов вечером 27 июня¹³. В передовицах официозных газет выражалось удовлетворение тем, что «целостности Румынии больше не существует». В МИДе Венгрии поздравили полпреда с успешным осуществлением акции, заметив, что венгры «этому рады больше, чем какое-либо другое государство», так как для них это означает «более легкую возможность продолжить то», что начал СССР¹⁴. Венгерский посланник в Москве И. Криштоффи, принятый 29 июня в Наркоминделе, также в свою очередь выразил удовольствие успешно проведенной операцией. Напомнив заместителю наркома В. Г. Деканозову о том, что у Венгрии имеются свои территориальные претензии к Румынии, венгерский дипломат увидел различие в положении двух стран только в том, что

Советский Союз уже разрешил стоящую перед ним задачу, а Венгрия еще нет¹⁵.

Таким образом, соображения реальной политики и осознание объективной общности интересов двух стран уже не в первый раз заставляли хортистскую политическую элиту на время забыть о своем непримиримом отношении к большевизму. И дела по большому счету не меняли события в Прибалтике — действия СССР по присоединению трех балтийских государств летом 1940 г. Они оживили комплекс советской угрозы, вызвали озабоченность элиты и более широкого общественного мнения, разговоры в политических кругах о том, что «считать СССР за хорошего соседа нельзя» и Венгрия тоже может когда-то оказаться под угрозой, но совсем не перечеркнули заманчивой перспективы, воспользовавшись прецедентом, приступить к осуществлению своих ирредентистских планов в отношении Румынии.

Наркоминдел СССР со своей стороны не охлаждал стремления хортистов к сближению, очевидно, просчитывая возможности упрочения советских позиций в этой стране в интересах некоторого, пускай довольно вялого противодействия нежелательной германской экспансии в юго-восточном направлении. Еще до событий, развернувшихся вокруг Бессарабии, В. М. Молотов заявил итальянскому послу о том, что «советское правительство считает свои отношения с Венгрией нормальными: СССР не имеет никаких претензий по отношению к Венгрии»¹⁶. Принимая Криштоффи 3 июля, председатель Совнаркома и нарком иностранных дел отметил, что с точки зрения советского правительства претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания; такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой будет стоять вопрос о территориальных требованиях Венгрии¹⁷. Через полгода, в декабре 1940 г., полпред Н. И. Шаронов в аналитическом письме был вынужден констатировать: «заявление Народного Комиссара подействовало в Венгрии чрезвычайно успокоительно, и после него до конца года слухи о возможности акции СССР против Венгрии совершенно не появлялись»¹⁸.

Непосредственная реакция в Венгрии на заявление Молотова была тем более позитивной. Поскольку Советский Союз оказался единственной (независимо от принадлежности к тому или иному воюющему лагерю) большой державой, однозначно поддержавшей венгерские претензии на Трансильванию, граф Чаки, выступая в середине июля в парламенте, не скупился на сентименты в адрес Москвы, при этом речь его встречалась одобрительными возгласами депутатов. Любезности, расточаемые Советскому Союзу, носили довольно демонстративный характер, будучи жестом, адресованным не только и не столько Бухаресту, который попросту хотели запугать «чудовищной» хортистско-советской коалицией на антирумынской платформе, сколько Берлину — от последнего ждали

серьезных подвижек в трансильванском вопросе с учетом нежелательного для держав «Оси» роста популярности СССР в Венгрии. В своих попытках разыграть против Румынии советскую карту венгерские лидеры иной раз не останавливались перед явным блефом, давая, в частности, понять румынским дипломатам, что на повестке дня стоит якобы вопрос о заключении союза с СССР, способного обеспечить главенствующее положение Венгрии в Дунайском бассейне¹⁹.

Среди венгерской элиты не было единства мнений в вопросе о методах ревизии границ. Генералитет готовился к боевым действиям, в генштабе был заранее разработан соответствующий план в расчете на то, что Румыния отклонит ультиматум СССР в отношении Бессарабии и Венгрия сможет выступить сразу же после начала войны Румынии с СССР. Мирный исход советско-румынского территориального спора вызвал даже некоторое разочарование наиболее воинственно настроенных венгерских генералов. Впрочем, силовой способ разрешения трансильванской проблемы не исключался и после того, как Советский Союз исполнил свою «освободительную миссию». Существовали планы перехода войсками границы в случае резкого обострения венгеро-румынских межэтнических трений в Трансильвании. Но для вступления Венгрии в войну было немаловажное условие. Как довольно искренне заметил зав. отделом печати МИД в беседе с советским полпредом: «Венгрия уже давно готова к войне, но ее начало зависит от разрешения Германии и Италии», которые в канун решающего столкновения с Великобританией не хотят осложнений в своем тылу²⁰. В середине июля Телеки и Чаки были приняты в Мюнхене Гитлером и Риббентропом, рекомендовавшими венгерским коллегам избрать путь мирных переговоров с Румынией. В середине августа под германским давлением стороны сели за стол переговоров, заранее обреченных в силу непримиримости позиций.

Хотя аннексия Советским Союзом Бессарабии была осуществлена с ведома и согласия Германии, правящие круги «третьего рейха» не скрывали раздражения в связи с попытками Москвы через участие в разделе Румынии укрепить свои позиции на балканском направлении. Особенно раздражало Берлин занятие Северной Буковины, в прошлом австрийской территории, никогда России не принадлежавшей. Полпред СССР в Румынии А. И. Лаврентьев в письме Молотову от 30 июля привел заявление одного из германских официальных лиц о том, что «с тех пор, как Австрия стала немецкой и Дунай стал немецкой рекой, Германия не допустит, чтобы СССР сделался придунайским государством»²¹. В Румынии правящие круги, не теряя надежды на возвращение Бессарабии, рассчитывали на дальнейшее обострение советско-германских противоречий и неизбежный в этом случае антисоветский поворот в политике Берлина. Это только сильнее привязывало Бухарест к колеснице

Третьего рейха. В Будапеште при всей безоблачности отношений с Москвой также принимали во внимание неизбежную перспективу усиления советско-германских разногласий, что заставляло форсировать решение насущных внешнеполитических задач, пользуясь благосклонной позицией СССР.

25 августа, когда провал румыно-венгерских переговоров был очевиден, немецкоязычная газета «Букарестер Тагеблат» опубликовала статью, смысл которой заключался в том, что совсем не в интересах Германии разрубать гордиев узел, который завязали Лига Наций и страны-победительницы в Первой мировой войне, поскольку ей не пристало брать на себя ответственность за положение на юго-востоке Европы, сложившееся отнюдь не по ее вине. Этот прогноз оказался, однако, совершенно неверным. Вожди Третьего рейха после капитуляции Франции чувствовали себя настолько уверенно, что не побоялись лишний раз взять на себя миссию устроителей нового порядка на континенте. Не сомневаясь в том, что в любом случае смогут удержать своих сателлитов в повиновении²², они решились выступить в роли арбитров в споре, заранее зная, что не сумеют удовлетворить ни одну из сторон. 30 августа 1940 г. в венском дворце Хофбург представители Германии и Италии приняли решение, потребовав в ультимативной форме его строгого исполнения от обеих спорящих сторон. Территория Северной Трансильвании площадью 43 тыс. кв. км передавалась Венгрии, и в течение 14 дней ее должны были оставить румынские войска. Румынские граждане, проживающие на этой территории, автоматически переходили в венгерское подданство, а нежелающие получали право в течение 6 месяцев ходатайствовать об оптации в румынское гражданство. 5 сентября началось вступление венгерских войск в Северную Трансильванию почти по всей протяженности старой границы. Кинохроника того времени запечатлела редкие кадры: адмирал Хорти на белом коне едет по главному городу Трансильвании Коложвару (Клужу), его встречают рукоплесканиями тысячи венгров.

В день арбитража, 30 августа, Риббентроп провёл в Вене пресс-конференцию. Венский арбитраж, по его словам, доказал, что в противовес британской политике, направленной на создание очага войны в Дунайском бассейне, «государства оси в состоянии, в сотрудничестве с дунайскими государствами, воспрепятствовать расширению войны в этом районе». Риббентроп также заявил, что Германия и Италия в условиях общеевропейской войны гарантируют целостность и неприкосновенность румынского государства в его новых (урезанных) границах. Этот тезис звучал не в качестве успокоения румын (как заметила в те дни одна из газет, «перед венским приговором румынский народ окаменел от боли и разочарования»), а как предупреждение СССР, как жесткое к нему требование остановиться на берегах Дуная и Прута. С германской стороны

было ясно заявлено, какая из держав диктует свои правила игры в Дунайском бассейне и на Балканах. Вызывающее нежелание Берлина считаться (вопреки букве договора 23 августа 1939 г.) с мнением Москвы, когда дело касалось непосредственных соседей СССР, стало основанием для демарша Молотова послу Шуленбургу уже 31 августа, но не изменило положения дел. Политическая инициатива в Дунайском бассейне в это время принадлежала Берлину. Под флагом нераспространения на этот регион конфликта с Великобританией Третий рейх закреплял там свои собственные позиции. Сильно разочаровав Румынию и не удовлетворив элиту Венгрии (требовавшую большего — т.е. всей Трансильвании), нацистская Германия вместе с тем не только сохранила рычаги воздействия на обе страны, но получила дополнительные возможности играть в своих интересах на венгеро-румынских противоречиях. Венгрия ждала от Третьего рейха передачи всей Трансильвании, а Румыния если не возвращения Трансильвании, то территориальных компенсаций на востоке, за счет СССР (реваншистские настроения требовали выхода, и задача Германии заключалась в том, чтобы придать им строго определенный вектор, соответствующий военным целям Третьего рейха). Сколь ни была велика в Румынии обида на Германию, в Европе не было другой силы, на которую могла возлагаться надежда на пересмотр установлений Венского арбитража. Зависимость обеих стран от Третьего рейха, таким образом, усилилась, каждая из противоборствующих сторон была плотнее пристегнута к внешнеполитическому курсу Германии, что способствовало в конечном итоге втягиванию стран-антагонистов в войну против СССР.

Уже в начале сентября советское полпредство в Бухаресте приходит к выводу о том, что Румыния, рассматриваемая Германией как часть ее «жизненного пространства», окончательно сделалась составной частицей «Оси» Берлин — Рим, причем державы «Оси» все более открыто и настойчиво занимаются ее превращением «в инструмент для выполнения своих далеко идущих целей»²³. Согласно оценке полпредства, своей политикой в Румынии Германия по-видимому «стремится осуществить, с одной стороны, свои империалистические вождедения — продвинуться к берегам Черного и Средиземного морей, и, с другой стороны, создать военные возможности для борьбы с Советским Союзом»²⁴. Солидарный с военными целями Германии новый румынский лидер маршал Антонеску дал согласие на размещение в стране дивизий вермахта и перевооружение своей армии. Задачей-минимум для него было возвращение Бессарабии и Северной Буковины, но, как показал опыт Второй мировой войны, территориальные притязания Румынии распространились и на земли между Южным Бугом и Днестром. Неясно, насколько серьезное значение придавали в Москве предостережениям полпреда в Бухаресте Лаврентьева. Заметим лишь:

сигналы, свидетельствовавшие о целенаправленном превращении Румынии в военный плацдарм против СССР, не повели осенью 1940 г. к сколько-нибудь существенной корректировке советской политики в отношении Третьего рейха.

Следующим шагом в дунайской политике Германии явилась агрессия против королевской Югославии в апреле 1941 г. Хортистская Венгрия была окончательно низведена до положения беспомощного сателлита. Самоубийство премьер-министра графа П. Телеки явилось отчаянным жестом, совсем не воспрепятствовавшим проведению вермахтом балканской операции при непосредственном участии Венгрии в решении германских военных задач. Надвигалась перспектива войны Германии с СССР, и решать вопрос о конкретной функции хортистского режима в реализации планов вермахта на восточном фронте должны были не в Будапеште, а в Берлине. И сколь бы ни были внешне безоблачными хортистско-советские отношения, базировавшиеся в 1940 г. на платформе антирумынской солидарности²⁵, ситуация могла кардинальным образом измениться в течение считанных дней. Надеясь воспрепятствовать участию Венгрии в войне против СССР, В. Молотов на второй день после нападения Германии попытался разыграть в диалоге с Будапештом трансильванскую карту. Вызвав посланника Криштоффи, он заявил ему 23 июня 1941 г.: если Венгрия не вступит в войну против СССР, тогда по окончании мировой войны

Советский Союз будет поддерживать венгерские требования в отношении Трансильвании²⁶.

Этот довольно спонтанно возникший дипломатический ход оказался, однако, безрезультатным — Венгрия твердо сделала выбор в пользу Германии, рассчитывая в качестве вознаграждения получить содействие в восстановлении дотрианонских границ. На следующий день после известной провокации с бомбардировкой г. Кашша (Кошице) 26 июня якобы советской авиацией венгерское правительство под давлением Гитлера объявило войну СССР. В истории советско-венгерских отношений, как и в истории всего дунайского региона, началась совершенно новая полоса.

Alexander S. Stykalin. The Territorial Dispute of Two Danubian States and the Soviet-German Rivalry in the Danubian Region. On the History of the Partition of Transylvania in August 1940.

The article provides an overview of the Transylvanian problem in the context of European politics in 1920–1941. The author shows how Hungary tried to use the Soviet-Romanian territorial dispute over Bessarabia and improvement of her own relations with the Soviet Union in order to take back Transylvania, previously given to Romania under the Treaty of Trianon, and how later Nazi Germany used the bitter Hungarian-Romanian antagonism to keep both Hungary and Romania in her sphere of influence as allies against the USSR.

1. Отличающаяся культурным своеобразием часть венгерского этноса, населяющая гористые районы Восточной Трансильвании.

2. Дараган М. И. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. Санкт-Петербург, 1859. С.67.

3. Там же. С.5.

4. Венгры и Европа. Сборник эссе. Составители В. Середа и Й. Горетить. Предисловие и комментарии В. Середы. М., 2002. С. 167–171.

5. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. Отв. редактор Т. М. Исламов. М., 2000 (далее: Трансильванский вопрос). С.319.

6. Территория нового венгерского государства согласно Трианонскому договору 1920 г. составила около 30% площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от венгеро-румынских границ).

7. Трансильванский вопрос. С.13.

8. Там же. С.23.

9. В пользу такого представления свидетельствовал и совсем недавний исторический опыт — попытки, пускай и тщетные, официального Будапешта во второй половине 1930-х гг. через установление тесных связей с Италией, Австрией, Польшей и Югославией создать некоторый противовес германскому доминированию в регионе.

10. Трансильванский вопрос. С.20–21.

11. Там же. С.24.

12. Там же. С.33. Впрочем, далеко не все венгерское общество разделяло победную эйфорию правящей верхушки.

13. Там же. С.36.

14. Там же. С.39.

15. Там же. С.44–45. Криштоффи в беседе с Деканозовым также осторожно прозондировал почву, «как посмотрел бы Советский Союз, если бы такие претензии были предъявлены Венгрией Румынии». Зам. наркома предпочел уклониться от прямого ответа.

16. Там же. С.46.

17. Там же.

18. Там же. С.117.
19. Впрочем, заявленная Молотовым советская позиция хотя и вызвала удовлетворение в Будапеште, отнюдь не казалась бескорыстной. В действиях СССР виделись далеко идущие стратегические цели. Полпред Шаронов в начале августа фиксировал в своем рабочем дневнике звучавшие в политических и дипломатических кругах высказывания о том, что, наладив хорошие отношения с Венгрией, СССР сознательно и целенаправленно толкает ее против Румынии с тем, чтобы, воспользовавшись войной, не ограничиться Бессарабией и Северной Буковиной и заполучить от Румынии и некоторые другие территории (Там же. С.58–59).
20. Там же. С.36. Кроме того, в Будапеште опасались вмешательства в конфликт на стороне Румынии Югославии. Криштоффи 3 июля спросил Молотова, не сможет ли советское правительство повлиять на Югославию с тем, чтобы она сохранила спокойствие в случае венгеро-румынского конфликта. Молотов воздержался от каких-либо обещаний (Там же. С.45).
21. Там же. С.54.
22. Посол Германии в Будапеште Эрдманнсдорф цинично заметил в разговоре с советским полпредом: и венгры, и румыны сильно шумят, «но обе стороны великолепно знают, что решить спорные вопросы вооруженной силой им никто не разрешит» (Там же. С.101).
23. Там же. С.73.
24. Там же. С.104.
25. Они лишь несколько ухудшились вследствие антиюгославской кампании.
26. Fülöp Mihály. A királyi Romania és Erdély, 1944–1947 // *História*. Bp., 1994. N.2. 29.o.